

СЕРГЕЙ СОЛОУХ

LOVE

INTE

RNAT

IONAL

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

В оформлении переплета использованы фотографии:
© ssuaphotos, Alex Staroseltsev / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Солоух, Сергей.

С60 Love International / Сергей Солоух. — Москва :
Эксмо, 2021. — 352 с.

ISBN 978-5-04-115462-2

Сергей Солоух — имя в русской прозе известное, его романы «Игра в ящик» и «Рассказы о животных» становились финалистами премии «Большая книга», а короткие рассказы трижды входили в лауреатский список премии имени Юрия Казакова. Новый роман Love International уникален тем, что он напугал всех тех, кто ранее Солоуха награждал. Самые строгие из критиков называют Love International злым памфлетом. Самые благосклонные — историей трогательной любви. Полярность мнений объясняется двумя параллельными сюжетными линиями. С одной стороны, медийная персона, мошенник и позер, а с другой — скромный сотрудник в мало кому за профессиональным кругом известной компании. Пути этих двух людей из двух в обычной жизни не соприкасающихся вселенных волей судьбы пересекаются и открывают не всегда привлекательную изнанку мира и всегда удивительную красоту человеческой души. Роман, продолжающий традиции поэтических гротесков Константина Вагинова, и в первую очередь «Козлиной песни», написан в свойственной Сергею Солоуху метафорической манере, искрометен, увлекателен, смешон и горек. И храбрость того, кто не спасует перед этим необыкновенным для нашей современной литературы текстом, будет сторицей вознаграждена.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Солоух С., текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-115462-2

В траве сидел кузнечик.

Песенка

Все персонажи, организации, события в этой книге вымышленные. В реальной жизни никогда не существовавшие и не происходившие. Связей, совпадений и подобий нет, а если кажутся и представляются, то это морок и галлюцинации. Отгоняйте.

Александра Людвиговича Непокоева кормил язык. Что, казалось бы, можно сказать обо всех и каждом. В любой голове, какую ни возьми, красный пестик во рту мнет и мешает пищу, делая процесс ее засасывания и заглатывания пищеводом более или менее безболезненным. Не в этом диво. Диво в том, что в ротовой полости Александра Людвиговича красный кусочек мяса был еще и тычинкой. Органом, придающим вкус и аромат не входящему потоку, а исходящему. Насыщающим слова и речи цветом и ароматом. Благоуханьем смысла или бессмыслицы. Впрочем, благоуханием чего именно и конкретно, не так важно, главное, что возвращалось это испущенное, невидимое и неосязаемое, достатком вполне материальным. Благодаря своему языку, постоянной подвижности пары каких-то шести-семи сантиметров легких, как мышка-норушка, мышц, и только-то, жил Александр Людвигович Непокоев гораздо лучше, чем многие иные люди, напрягающие каждодневно целые метры, десятки метров кровью напитанных и жилами опутанных волокон всего своего

тела. Да-да, носил А. Л. Непокоев отличные ботинки, галстуки и пиджаки, неторопливо, всегда в уютной обстановке ел пищу от шеф-поваров и путешествовал. Много и с комфортом ездил. По миру и стране.

Он был счастливым человеком, но при этом не забывал, никогда не забывал, что сделал его таким и делает один лишь труд. Упорный и ежедневный, систематический и самоценный, кипучий, деятельный, расчетливый и целесообразный, тот самый, что постоянно возобновляет дары жизни и судьбы: приглашения на лекции и фестивали с полным пансионом и проездом за счет организаторов, почетное амплуа ведущего и распорядителя интеллектуальных мероприятий — сезонов, салонов, конкурсов и презентаций с последующим и параллельным доступом к источникам их финансирования, а также завидное положение эксперта-консультанта по всем вопросам культурного времяпрепровождения и образовательного досуга — в общем, все то бесконечно рафинированное, изящное и креативное, что в результате приносит человеку хорошие ботинки, галстуки и пиджаки, а также пищу и напитки в стильной посуде хороших ресторанов.

Короче, труд, труд и только труд, который предполагает как интегральную и обязательную часть — разминку, тренировку и сосредоточение перед своей прекрасной, уже собственно производительной и праздничной, словно долгожданная дефекация, фазой. Вот почему всякий день жизни, едва проснувшись, еще лежа под одея-

лом, глаза не разомкнув, Александр Непокоев начинал с разогрева и разминки своей рабочей лопаточки, лизунчика и лопотунчика, всю ночь бездельничавшего, лениво размокавшего и сладко опухавшего в тесном убежище между двойной подковою зубов и низким сводом нёба. В юности делал это Саша Непокоев шумно и неэкономно, обильно уснащая действие рыгательными, полоскательными и харкающими звуками; с возрастом пришла мудрость, и ныне, у зрелого А. Л., процесс тек в полной тишине, без прежней расточительности и размаха, но с большим объемом и разнообразием пусть мелких, но быстрых, беличьих движений.

Отказ от грубой и физической стимуляции, столь свойственной средствам и методам, ассоциируемым с ЖКТ, этой банальной гидры с хватками и видом пресмыкающегося, произошел за счет полета — подключения и активизации воображения. Лежа под одеялом, в потемках, не шевелясь, не открывая глаз, Александр Людвигович мысленно представлял себе фелляцию. И это было совсем нетрудно и даже приятно, стоило лишь вспомнить, что стипендиально-грантовая деятельность ЛГБТ-сообщества в разы размахом, широтой и щедростью перекрывает все жалкие потуги, ручейки и крохи, что капают время от времени от натуралов. Сравниться могли лишь только еврейские культурно-просветительские программы, но и это при должной художественной подготовке, кругозоре и желании с фелляцией легко соединялось. Поскольку из ножен выхваченный, готовый к действию ре-

продуктивный орган здоровой, как необрезанной, так и особи мужского пола по виду — вполне себе товарищ в кипе, хоть и без пейсов. В общем, прекрасный образ, прекрасный получался, с какой ни глянуть стороны. Во всяком случае рабочий.

И вот под одеялом, в полутьме, не размыкая глаз, лишь рот открыв навстречу дню, призывно и гостеприимно, начинал Александр Людвигович движенья острым, пурпурным кончиком языка, потом бугристой спинкой, стараясь равным образом нагружать ее розовые, нежные половинки по обе стороны медиальной борозды, и далее, далее с постепенным подключением толстой и сизой, как морж, спинки, вперед и вверх, вбок и вниз, возвратно-поступательно и ударно-вращательно, гоня кровь, смягчая ткани, волною активировав сосочки и листовидные, и грибовидные, и луковичные, ответственные за все на свете ощущения и ориентацию в этом прекрасном мире съестного и носильного, а равно и духоподъемного. О боже мой. И миг, когда всеобщая гармония синхронности и согласованности уже дышала нежно в темечко теплом и легкою волною жара, уже шла от впадин паховых к ключичным, Александр Людвигович сделал ошибку. Он приоткрыл глаза. И вдруг увидел, что на него внимательно и не мигая смотрят.

Да, обзеревают. Уставились с соседней, с правой стороны фрегатным, парусным сатином столь романтично тут сглаженного, а там вздыбленного ложа. С подушки, полной нежности и пуха, Александра Л. Непокоева безжалост-

но сверлят зрачки... И нет в этих бездонных колодцах понимания, а только тьма — жажда, желание и жадность. Уверенность, что труд, который предполагает как интегральную и обязательную часть — разминку, тренировку и сосредоточение, не должен быть напрасным. Общественно полезным должен быть и созидательным. И затвердевший было, окрахмалившийся в штиле ночи сатин затрепетал, флагом взметнулся на правой стороне широкого лежбища, молнией сверкнул, и на ключицы Александра Людвиговича накатила жар не воображаемый, а натуральный, доменный, печной, горячих женских чресл. С присутим им и весом, и объемом.

— Ну, Ася... — попытался было стремительную амазонку урезонить Александр.

— Ешь, — лаконично приказали сверху и так решительно надвинулись, что на какое-то мгновение не только затопили рот и нос нежно трепещущей плотью, но даже входы в голову через ушные раковины несколько перекрыли теплою массой бедер.

Спасенья не было. Работа в этот день началась у Александра Людвиговича немного раньше того часа, в который ему назначил встречу очередной заказчик и клиент. А может быть, кто знает, со временем и щедрый спонсор. Конечно, если не дать ему уйти. Не упустить!

Два дня тому назад на идеально гладком яблочном экране, который представлялся не чуждому поэзии любимцу муз Александру Людвиговичу то скейтинг-рингом для дюймовочек, то омутом, где золотые рыбки вальсируют во тьме, высве-

тился незнакомый номер. Он не был похож на те особые, змееподобные, с обилием нулей или синхронно повторяющихся чисел, которыми от дел и мыслей отрывают занятого индивидуума спецпредложения «Билайна» или же Сбербанка. Номер был ничем не примечательный, обычный, бестолковый, человеческий, и Александр Непокоев ответил. Мазнул теплым по холодному. Пальцем по стеклу.

— Ал-ло...

— Александр Людвигович? — тотчас жеотреагировал телефончик. Да. Поинтересовался скорее с твердой уверенностью, чем с неясной надеждой.

— Это я, слушаю вас внимательно, — отозвался Александр Непокоев своим слегка собачьим, но с неожиданно приятными низами тенорком. Отчего могла возникать даже какая-то вальяжность, музыкальность в те благодные минуты, когда его обладатель с легким интонационным ударением, ясно и четко озвучивал без торопливости и спешки каждую гласную.

— Ал-ло...

— Да, да. Это компания «Лав» вас беспокоит. «Лав Интернешнл».

«Эх. Зря повелся. Все-таки промоушен. Реклама, да еще чего-нибудь совсем уже беспонтового, — с неудовольствием поморщился Непокоев, — какой-нибудь подпольный досуговый сервис или онлайн-сеть магазинов с гаджетами для взрослых при штаб-квартире в Южном Бутове. Мошенники. Но почему с этим ко мне? Лично и персонально? Где наследил? Когда?»

— Как, как? Лав? Да еще интернешнл? — регистр молниеносно меняя на чисто песий, саркастический, рваный, кусающий, совсем не музыкальный, стал с места разгоняться Александр Людвигович, стал набирать обороты, чтобы какой-нибудь разящей наповал ремаркой, которая должна была вот-вот родиться на языке, убить. Убить — и номер в бан. Вечная блокировка.

— Да, да, — между тем все с той же механической невозмутимостью, не ускоряясь и не замедляясь, все так же уверенно и веско продолжали что-то разматывать в трубке, — «Лав Интернешнл Инк» — крупнейший мировой производитель оборудования для добычи нефти и газа. Московский офис. Вам сейчас удобно говорить, Александр Людвигович?

«О боже! — в этот момент буквально поперхнулся продюсер и куратор, директор креативный и эксперт литературный. Ему обдало холку холодом, кипятком обожгло изящный круп, он чуточку пригнулся и несколько осел, как человек, лишь чудом, лишь случайно не обронивший в унитаз общественной уборной билетик лотереи, сорвавший сумасшедший, невиданный джекпот. — Крупнейший... мировой... нефти и газа... Какой пассаж! Какой пассаж!»

— Но лав при чем тут, лав? Эл, оу, ви, и? Все верно? Так? — еще слегка подлаивая, подвизгивая, еще с обидой и досадой, еще не окончательно поверив в счастье и удачу, и оттого никак не обретая нужной, моменту приличествующей и отвечающей певучести и медоточивости речи, мягких низов, спросил Непокоев.

— Все так. Все верно. L... O... V... E... — любезно подтвердили с той стороны эфира. — Это фамилия основателя нашей компании. Рональда Реджинальда Лава. Не будет ли у вас времени, ну, скажем, в эту среду, да, в среду, для встречи с нашим американским вице-президентом мистером Биттерли и управляющим русским бизнесом господином Пешковым?

И впрямь пассаж. Какие новые горизонты! Восьмидесятый, может быть, а то и сто восьмидесятый уровень! Ведь кого только за долгие годы счастливой и плодотворной жизни не доил Александр Людвигович. Большие издательские дома и крупнейшие благотворительные фонды, известнейшие университеты и знаменитейшие ресторанные сети, отдельных ценителей прекрасного из русского списка «Форбс» и мелочь краудфандинговую, даже родное государство, строгую мать, и ту ему случалось обирать под соусом общественно-образовательного интереса, но нефть... черное золото само впервые ему в руки шло. Это почище будет всех, вместе взятых, православных ТВ-каналов художественного воспитания, в которые его, Непокоева, на днях пытались втянуть друзья и коллеги на ниве культурного кураторства и просветительской активности — Ваган Айрапетян и Марек Шнеерзон. Да, нефть!

Жаль, Ася вот только не понимает, как важно Александру именно сегодня быть свежим и благоухающим всеми лилиями света, а не ее, Асиной, сардинно-шпротной розой. Увы, увы, не понаслышке, на своем уже довольно продолжи-

тельном опыте, знал Александр Людвигович, как будет сложно отогнать острый, прилипчивый душок, консервную ноту с кардинальских усиков-стрелочек и мушкетерского волосяного клинышка — его собственной миниатюрной писи под нижней губой. Шампуни лучших марок, что устраняют все, что только пожелаешь, — и ломкость, и сухость, и перхоть любой застарелости и жирности, — и те порою пасовали перед стойкостью и въедливостью Асиного укуса. Эликсира неутолимой страсти. Густого и обильного. Но что поделаться, Ася Акулова, автор романов и стихов, изящнейшее существо с локонами Мальвины и талией не шире, не объемней бритого зада пуделя Артемона была ровно на двадцать три года младше Александра Людвиговича, и слабины он дать никак не мог. А уж его язык, главная, важнейшая и самая развитая часть его тела, тем более.

Ну и не оплошал. Ася, заходясь от электрических волн, от перетоков высоковольтной крови и встречного гальванического сокращения жил, прежде чем обмякнуть, повалиться головой вперед и плоским мокрым животом перекрыть кислород Александру Людвиговичу, таким ароматическим прощальным спазмом одарила, что не только кокетливые щеточки у губ ему предстояло теперь стерилизовать, но и волосы. Долго и тщательно промывать гриву, роскошную шевелюру, обильную и долгую, до плеч, как у героев А. Дюма, бретеров и фехтовальщиков времен короля-солнца Людовика XIV. Удобнейшее, между тем, средство преображения, столь нужное Алек-